

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH223620-630>

Исследовательская статья

Коновалов Андрей Анатольевич

к.и.н., доцент

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

homunculus2@yandex.ru

Нальчикова Елена Аниуаровна

к.и.н., доцент, заведующая кафедрой организации работы с молодежью

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

elenalchik@yandex.ru

Гугова Марина Хабасовна

к.и.н., доцент, старший научный сотрудник

Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН, Нальчик, Россия;

заведующая кафедрой истории России и кавказоведения

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

gugowa@mail.ru

ЖЕНСКАЯ АГРЕССИЯ В КАБАРДИНСКОМ И БАЛКАРСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ: РАЗРУШЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Аннотация. Статья обращается к принципиально важному, но остававшемуся в глубокой тени интересов историков, этнологов и социологов аспекту региональной истории. Исследование направлено на деконструкцию стереотипа о женщине в традиционных обществах. Коррекции подвергается тезис о женщине как об исключительно пассивной жертве обстоятельств, носительнице скромности и виктимности. В центре внимания авторов находится феномен женского насилия (физического и психического), исходящего от нее как от активного субъекта. Для горянки, живущей в обществе, находящемся в ситуации перехода от традиции к модерну, насилие выступает не просто как форма агрессии или утверждения власти, но и как способ сопротивления, инструмент выживания в специфических социально-исторических условиях Кабардино-Балкарии конца XIX в. – 1980-х гг. На основе междисциплинарного подхода, сочетающего методы микроистории, гендерного анализа и исторической антропологии, в работе исследуются судебные архивы, материалы обычного права (адатов), нарративные источники (путевые заметки, хроники, авторские материалы полевых исследований) и фольклор автохтонных народов республики. Целью статьи является изучение специфики, условий и степени выраженности женской агрессивности в меняющемся социоисторическом контексте. Исследование доказывает, что игнорирование этого «тёмного» сюжета приводит к упрощённому пониманию гендерных ролей в прошлом. Авторы приходят к заключению, что включение темы женского насилия в научный оборот не только заполняет лакуну в истории Кабардино-Балкарии, но и предлагает новый исследовательский инструментарий для более глубокого, многогранного и нетривиального понимания динамики гендерных отношений в традиционных обществах.

Ключевые слова: женская агрессия; субъектность; Кабардино-Балкария; традиционное общество; реархаизация; патриархальный уклад

Для цитирования: Коновалов А.А., Нальчикова Е.А., Гугова М.Х. Женская агрессия в кабардинском и балкарском обществе в прошлом и настоящем: разрушение традиционных стереотипов // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 3. С. 620-630. doi.org/10.32653/CH223620-630

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH223620-630>

Research paper

Andrey A. Konovalov
Cand. Sci., Assoc. Prof.
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia
homunculus2@yandex.ru

Elena A. Nalchikova
Cand. Sci., Assoc. Prof., Head of the Department of Youth Work Organization
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia
elenalchik@yandex.ru

Marina Kh. Gugova
Cand. Sci., Assoc. Prof., Senior Researcher
Institute for Humanities Research of the KBSC RAS, Nalchik, Russia;
Head of the Department of Russian History and Caucasian Studies
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia
gugowa@mail.ru

FEMALE AGGRESSION IN KABARDIAN AND BALKAR SOCIETY IN THE PAST AND PRESENT: DISMANTLING TRADITIONAL STEREOTYPES

Abstract. The article addresses a fundamentally important, yet long-overshadowed, aspect of regional history that has largely escaped the attention of historians, ethnologists, and sociologists. The study is aimed at deconstructing stereotypes regarding women in traditional societies. The thesis presenting women as exclusively passive victims of circumstances, embodying modesty and victimhood, is critically revised. At the center of the authors' attention is the phenomenon of female violence (physical and psychological) originating from women as active agents. For a mountain woman (*goryanka*) living in a society undergoing a transition from tradition to modernity, violence serves not merely as a form of aggression or assertion of power, but as a means of resistance and a survival tool within the specific socio-historical conditions of Kabardino-Balkaria from the late 19th century to the 1980s. Drawing on an interdisciplinary approach that combines the methods of microhistory, gender analysis, and historical anthropology, the study examines court archives, customary law (*adat*) materials, narrative sources (travel notes, chronicles, authorial field research data), and the folklore of the indigenous peoples of the republic. The aim of the article is to examine the specifics, conditions, and extent of female aggression within a changing socio-historical context. The research demonstrates that overlooking this "dark" topic leads to an oversimplified understanding of historical gender roles. The authors conclude that introducing the topic of female violence into academic discourse not only fills a historiographical gap in the history of Kabardino-Balkaria, but also offers new analytical tools for a deeper, multifaceted, and nuanced understanding of gender dynamics in traditional societies.

Keywords: female aggression; agency; Kabardino-Balkaria; traditional society; re-archaization; patriarchal order

For citation: Konovalov A.A., Nalchikova E.A., Gugova M.Kh. Female aggression in Kabardian and Balkar society in the past and present: dismantling traditional stereotypes. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. № 3. P. 620-630. doi.org/10.32653/CH223620-630

Введение

В антропологии сложилась классическая парадигма по вопросу о статусе женщины в традиционном обществе. Согласно ей женщина представляет собой объект влияния и в этом смысле лишена субъектности. Женщине отказано в праве принимать решения за пределами четко очерченного социального пространства, ограниченного сферами воспитания детей и ведения домашнего хозяйства. И даже в этих узких рамках прерогатива принятия ключевых решений принадлежит мужчине. Указанная парадигма подразумевает, что женщина полностью бесправна и порабощена.

Впервые научно обоснованный взгляд на социальный статус женщины был сформулирован в рамках философского дискурса XIX века. Этнология как наука переживала в то время период становления и использовала идеи, сформулированные в рамках философского знания. Для философии этот сюжет не был магистральным, однако мыслители XIX века сформулировали парадигму о подчиненном положении женщины. Будучи мыслителями, открывающими новые горизонты, они, однако, оставались представителями своего времени, разделяя его предрассудки. Так, Г. Фихте отводил женщине второстепенную роль, не более чем «средства для удовлетворения потребностей мужчины» [1, с. 273]. При этом автор фундирует это природным различием между полами, в результате которого женщина обречена на роль пассивного объекта социальных отношений: «В любви женщина добровольно приносит себя в жертву мужчине» [1, с. 287-288].

А. Шопенгауэр для обозначения роли и положения женщины и самой сущности фемининности применяет страдательный грамматический залог, определяющий его взгляд на положение женщины, как на подчиненное мужчине существо: «Она (женщина – авт.) не предназначена для слишком большого труда ни духовного, ни телесного. Она отбывает обязанность жизни не действительным, а страдательным образом: муками родов, заботами о детях, подчинённостью мужу, для которого она должна быть терпеливою и ободряющей подругою» [2, с. 18]. Воспринимая женщину как существо иного плана, Шопенгауэр наделяет ее чертами, которых сам опасается: это «слабейшие существа одарены от природы не силою, а хитростью: отсюда их инстинктивное лукавство и непреодолимая склонность ко лжи» [3].

Патриархальную позицию по отношению к женщине разделял и Ф. Ницше. Проявляя своеобразную интеллектуальную смелость, он замечает, что «совершенная женщина, – есть более высокий тип человека, чем совершенный мужчина», при этом тут же делая оговорку, что это и «нечто гораздо более редкое» [4]. Новацией в этом дискурсе является и то, что Ницше наделяет женщину таким качеством, как интеллектуальность, правда, рассматривая его как исключение. В целом, согласно патриархальному взгляду, функционал женщины ограничивается ролями «хорошей жены, матери и прихожанки» [4].

Конечно, в такой ситуации женщина мыслится как бесправное существо, а о насилии со стороны женщин не может идти речи. Между тем, приведенные мнения были отражением патриархального порядка вещей, который, на первый взгляд, не дает проявить себя, кроме как в жестко обозначенных узких рамках.

Идея о смене матриархата патриархатом, в рамках которого женщина стала объектом социального взаимодействия с понижением общественного положения, получила развитие в работе Д.С. Милля «О подчинении женщины», где он обосновывал мысль о том, что зависимость женщины от мужчины стала результатом социального переворота, характеризующегося применением грубой силы. «Подчинение одного пола другому стало одной из главных преград на пути человеческого совершенствования, и его следует заменить принципом полного равенства» [6].

У истоков этнологического дискурса о женском подчинении стал фундаментальный труд Г. Плосса (1819–1885) с говорящим названием «Женщина в естествоведении и народоведении» (1898–1900). В этой работе был обобщен материал, собранный к тому времени этнографами. Впервые было сформулировано антропологическое понимание «женщины как объекта» [7].

Очевидно, тема женского насилия вызывает интерес исследователей [8–14]. Однако общим местом в этих трудах является представление о том, что субъектом насилия выступает мужчина, а объектом – женщина. Это мнение базируется на имеющем широкое распространение подходе, в котором женщина лишена всяческих прав и самовыражения.

В XX веке указанный взгляд на природу фемининности подвергается серьезной ревизии и рассматривается как одномерный, поверхностный и просто ошибочный.

Гендерную асимметрию Мишель Розальдо и Луиза Ламфер связали с разделением общественной жизни на высокопрестижный публичный (мужской) и малопрестижный (женский) сегменты. Идеи о более сложном и неоднозначном социальном статусе женщины получили развитие в работе Элеонор Ликок и других антропологов. В таких сборниках, как «Половые и гендерные иерархии» [15] и «Феминистская антропология: хрестоматия» [16] исследователи отходят от простой коннотации подчиненного положения женщины и эксплицируют скрытые механизмы женского влияния.

Согласно новым представлениям, женщины действительно отличаются от мужчин, но это не делает их ущербными. Выдвигается положение о разных, но равных типах человеческой природы. Современные исследователи считают, что представления классиков историографии о месте женщины в традиционном обществе имеют существенные основания: женщина, действительно, имела подчиненное положение, была ограничена в своих действиях. Ей навязывались представления о должном и самой ее сущности. Однако, даже в архаичных, патриархальных обществах женщина не была только объектом. Она имела скрытые рычаги влияния, проявляющиеся, главным образом, в приватной сфере. Но, используя неявные тактики, женщина в то же время могла влиять и на публичное пространство.

В частности, женщины оказывали существенное воздействие в обществе через участие в «сетевых коммуникациях» (Патриция Хилл Коллинз [17]), таких как сеть родства (Мейер Фортес [17], Эванс Притчард [17]) и соседства, символическое ритуальное влияние и создание женских контрпубличных пространств (Ненси Фрейзер [18]), таких как ежедневные встречи у колодца, участие в похоронах и поминках, свадьбах и обрядах, связанных с рождением и воспитанием детей. «Коммуникативными перекрестками» в советское время, наряду с перечисленными, стали магазин, рынок, клуб, пространство перед административными зданиями и т.д. С помощью этих альтернативных сфер дискуссии при отсутствии формализованного влияния женщины создавали и реализовывали эмоционально-поведенческие механизмы (Т. Парсонс [19]), а также корректировали существующие и создавали новые. Женское влияние проявлялось в малой группе, прежде всего, в семье. В отдельных случаях, женщина с властным характером при эмоциональной податливости мужчины могла оказывать определяющее влияние на семью. Но более частыми являются случаи доминирующего влияния женщины на членов семьи, которые ниже по социальному статусу (невестка) или находились под ее влиянием в прошлом (сыновья).

Положение женщины в традиционном обществе неоднократно становилось предметом гендерных, исторических и этнографических исследований. Не была обойдена вниманием и проблема насилия, но исследователи рассматривали женщину как его объект, зачастую увязывая это с архаическими общественными отношениями (трайбализм) [20]. Все эти труды концентрируют внимание на женщине как объекте подчинения или насилия, имеющем большее или меньшее влияние.

Предметом же настоящей статьи является женщина как субъект насилия, как физического, так и психического. Малоизученность проблемы объясняется сравнительной редкостью случаев проявления женской агрессии, сами факты женского насилия зачастую скрываются. Еще одной причиной является узость проявления феномена, ограниченного малой группой: семьей и группой ближайших родственников. Также можно отметить неготовность исследователей к изучению этого деликатного вопроса. Все вышеперечисленное позволило постулировать в качестве цели статьи изучение условий, специфики и степени выраженности женского насилия.

В последние годы положение женщины на Северном Кавказе стало вызывать все больший интерес исследователей. М.Б. Гимбатова в статье «Отражение гендерных отношений в устном народном творчестве нижнетерских казаков» отстаивает мнение о «подчиненном положении женщины, с ее чувственным, эмотивным миром» [21]. Амбивалентность положения северокавказской женщины стала одним из сюжетов статьи О.С. Мутиевой «Отражение социально-правового статуса женщины в духовной культуре и фольклоре народов Северного Кавказа». С одной стороны, отмечает исследователь, существовали пословицы, принижающие женщину («У женщины волос длинный, а ум короткий»), с другой, фольклорный материал подчеркивает ее значимость («Женщина — опора семьи») [22, с. 247].

Косвенно проблемы женского насилия в Кабарде и Балкарии также были затронуты этнографами и историками республики. Идеализированный взгляд на положение женщины и сферу социальных отношений, в которую она была вписана, отражен в работах Б. Бгажнокова [23], С. Мафедзева [24],

Г. Мамбетова [25], М. Кучмезовой [26], М. Текуевой [27]. Б. Бгажноков детально проанализировал этикетные нормы, относящиеся к женщине, С.Х. Мафедзев, Г.Х. Мамбетов, М.Ч. Кучмезова изучили специфику воспитания девочек и девушек и его место в системе народной педагогики. Принципиально новый подход находим у этнолога М.А. Текуевой, которая, исследуя женские статусы и роли, их трансформации в адыгском социуме, отрицала существование бытового насилия в семье. В сферу научных интересов М.А. Текуевой входили проблемы повседневного статуса женщин и ее правового положения.

При рассмотрении проявления женского насилия во второй половине XIX в., нами использованы неопубликованные материалы из ЦГА КБР. Случаи женской агрессивности в XX в. главным образом выражались в приватной сфере и мало отражались в официальных открытых источниках, откладывались в памяти людей. Поэтому в статье широко использованы сведения, полученные от информантов.

Основная часть

В традиционных обществах существовала устоявшаяся и детализированная религиозными нормами и обычаями система социального взаимодействия, в которой с высокой степенью реализации определялись социальные нормы, описывающие рамки дозволенного поведения. И хотя внутри них существовало диспозитивное пространство определенной свободы, жесткому осуждению подвергался малейший выход из этих четко очерченных пределов.

Существовала развитая система социальных санкций, вплоть до ostracism или изгнания. Психологическое напряжение копилось и могло прорваться в экстремальных ситуациях.

В этом контексте можно анализировать и феномен женского насилия. Женщина могла его проявлять как в отношении людей, имеющих более низкий социальный статус – невестка, дочь, так и в латентной форме по отношению к мужчинам, в виде психологического и иного давления. Существенным элементом, снижающим женское насилие, была детальная регламентация поведения традиционной кавказской женщины, регулируемая системой этнического традиционного этикета.

Современный взгляд на проблемы взаимоотношений мужчин и женщин на Северном Кавказе опирается на традиционные стереотипы о подчиненном женском положении в семье и обществе, о строгом гендерно-дифференцированном распределении ролей. Отсюда общепринятое предположение, что «женщина – жертва семейного насилия со стороны мужчины». Но кавказские практики больше-семейного проживания, возможно, предопределили изменение формулы «агрессор (мужчина) – жертва (женщина)» на «внутриполовое» противостояние: «свекровь – невестка», «золовка – невестка», «сосношницы». Акцентуация проблемы абьюза в современных научных изысканиях, часто междисциплинарных, закономерно происходит на примере традиционалистских обществ. Так, Северный Кавказ часто рассматривают, как регион с относительно высоким, но неафишируемым уровнем семейного насилия [28, 29].

Эти исследования опираются на современные данные разнообразных анкетных опросов, этнографических интервью и открытых интернет-источников. Попытки более детального разбора и систематизации имеющихся материалов демонстрируют лакуны или даже противоречия в источниках внутрисемейного насилия и конфликтов. Молодая невестка, попав в сложившийся семейный коллектив, подвергается моральному и психологическому давлению со стороны женской половины большой семьи: свекрови, сестер мужа, старших невесток, в случаях полигамии – первой жены.

Поиски традиционных истоков женской физической агрессии приводят к необходимости привлечения архивных материалов (уголовных дел) второй половины XIX – начала XX в. «Для простого человека даже по улице было не так просто пройти, особенно когда девушки из клана Крымшамхаловых состязались в стрельбе. Рассказывают случай, когда одна из девушек при стрельбе убила человека из рода Сарыевых, за что ее даже не наказали. Наоборот, обвинили убитого, зачем ходил в это время» [30, с. 116]. Этот кейс если не опровергает, то значительно корректирует тезис о подчиненном и бесправном положении женщины в традиционном сословно-дифференцированном обществе.

В мае 1839 г. «генерал Вельяминов предписывал командующему Кабардинской линии полковнику Пирятинскому арестовать сестру султана Девлет-Гирея Шахимова при следовании ее по территории Кабарды, основанием для подобного распоряжения явилось следующее: "По просьбе ногайского султа-

на Девлет-Гирея Шахимова позволил я ему вывезти из Чечни сестру, бывшую за убитым кабардинским князем Хамурзиным; и снабдил его для свободного проезда в Чечню билетом. Ныне дошло до сведения моего, что сестра означенного султана, узнавши о смерти своего мужа Хамурзина сама собственноручно заколола кинжалом вверенного Вам полка штабс-капитана Балаша и прапорщика Максимова, находившихся в плену"» [31, с. 54]. Приведенный кейс напрямую нельзя отнести к внутрисемейному насилию, но женщина здесь взяла на себя мужские функции отмщения, продемонстрировав высокий уровень агрессии. Доведенная до отчаяния женщина вынуждена выходить за пределы четко очерченных рамок социального поведения. Такие происшествия случались нечасто, но они демонстрируют, что долго накапливающееся психическое напряжение порой находило выход в случаях насилия.

Женская агрессия зачастую проявляется во внутрисемейных отношениях. О вышедших за рамки предписанных комплексом обычных норм особенностях семейных взаимоотношений свидетельствуют уголовные дела. Так, в ЦГА КБР, находится «Переписка с начальниками участков о скоропостижно умерших жителях селений Нальчикского округа» за период с 16 января 1892 по 17 апреля 1893 года¹.

Из двух десятков дел, связанных с «женским насилием», в рамках нашего исследования определенный интерес представляют два документа. В первом речь идет о неудачной попытке самоубийства Хуты Бузиевой. При поверхностном чтении складывается впечатление, что речь идет о попытке самоубийства жены, при более внимательном – выясняется, что текст повествует о планировании убийства мужа и о преследовании со стороны свекрови. Протокол 1892 г. июня 14 дня, составленный старшиной с. Жанхотова А. Кушханашховым гласит: «Сего дня я дознал что 11 числа сего июня жена жителя селения Жанхотова Махмуда Бузиева Хута отравилась»². Несостоявшаяся самоубийца так объяснила произошедшее: «она с мужем своим прожила более 3 лет в самой незавидной семейной жизни, почему большей частью просиживала у родного отца Шужей Дзутурова. Сосед Бекир Мизов зная о ее жизнь, посоветовал ей дать мужу отраву, отчего он умрет, а он, Мизов, возьмет ее за себя замуж, для чего дал ей какого-то ядовитого вещества. Такового немного взяла себе, а остальной схоронила в сарае Ибрагима Бузиева в крышу, так что о том никто не знал. Хута Бузиева обсудила положение своей жизни, травить мужа не согласилась, а решила необдуманно покончить жизнь свою сама с собою – приняла часть яду, от которого она не знает какие с нею были последствия, полагает через некоторое время пришла несколько в себя, видела что около ней ухаживал сосед Ибрагим Кожасов и уже при памяти давал ей пить кислое молоко. В настоящее время Хута Бузиева чувствует себя здоровою и может быть даже совсем поправится»³. В ответ «Бекир Мизов показал, что он никогда с Хутой Бузиевой ничего не говорил и никаких ядовитых веществ ей не давал, о которых он даже ... не знает...»⁴.

В рамках дела сохранился также протокол допроса Хуты Бузиевой от 7 июля 1892 г., проведенного начальником 3 участка Нальчикского округа поручиком Магницким. Хута показала, что «три года как замужем за Махмудом Бозиевым (Бузиевым) (в данном документе другое написание фамилии того же человека – прим. авт.) и почти с первых дней ее жизни в доме мужа, она терпит вечные укоры и придирики от родителей Бозиева, а в последнее время ее стали еще больше допекать в безнравственном поведении, между тем она мужа своего любит, он человек молодой и ласковый. Наконец, постоянные придирики и оскорбления стали ей настолько мучительны, что Хута стала искать случая смерти. Узнав о ее невыносимой жизни и намерении, сосед их Мызов, которому она давно нравилась и предложил ей достать яд, чтобы она отравила мужа и вышла бы за него замуж. Хута как будто бы согласилась на это, но в мыслях своих решила этим ядом покончить себя, что и сделала, но неудачно. Мызов ей никогда не нравился, и она его не любит, тем более что он человек уже пожилой. Откуда Мызов достал яд Хута не знает, а он ей это не говорил. Доказательства, что яд ей дал Мызов, она представить не может. Хута не хотела выдавать Мызова как соучастника в этом преступлении, но когда отец ее стал угрожать ей лишить жизни свою и ее, тогда она открыла Мызова. Отец Хуты показал, что с первого года замужества его дочери за Бозиевым, жизнь ее стала невыносимой в доме свекра. Родные ее мужа постоянно придирались к Хуте и стали даже допекать ее в безнравственности. Она несколько раз убегала из дома мужа к нему, но он как отец

1 Переписка с начальниками участков о скоропостижно умерших жителях селений Нальчикского округа // Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (далее УЦГА АС КБР). Ф. И-6. Оп. 1.

2 Там же. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 235. Л. 32.

3 Переписка с начальниками участков о скоропостижно умерших жителях селений Нальчикского округа // УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 235. Л. 39.

4 Там же. Л. 32.

старался примирять и отсылал свою дочь обратно к мужу. Наконец, в последнее время видно ей стала невыносима эта жизнь, что она решила отравить себя»⁵.

Здесь пересекаются два сюжета: первое – издевательства свекрови над более низко статусной невесткой, второй сюжет – терпящая агрессию Хута Бозиева не может найти в себе сил отравить мужа и долго копившееся психическое напряжение порождает акт агрессии, направленный на себя. Кажущийся очевидным выход – развод – был невозможен. Такая практика распространена не была. Объявить о разводе мог только муж, ограниченная в правах женщина не могла выступить с подобной инициативой, поэтому возможностью решить проблему прекращения нежеланного брака было самоубийство или убийство мужа.

Второй документ – самоубийство вдовы на фоне преследований со стороны сестер покойного мужа. В рапорте Начальнику Терской области от 24 августа 1892 г. №7546 от старшины Чегемского общества читаем: «вдова Жулдус Жанчорова, чтобы избавиться от постоянных неудовольствий и ненависти сестер своего покойного мужа 13 сего августа бросилась в реку Чегем и на верху реки поймана мертвой...»⁶. Описывается ситуация преследования женщины, попавшей в зависимость от получивших более высокий статус после смерти брата женщин.

В современной Кабардино-Балкарии встречаются аналогичные случаи: осуществляется тот же поведенческий паттерн внутрисемейного насилия. «Незамужние молодые золовки постоянными придирками к жене брата, к уровню ее образования, чистоплотности и воспитанию, вынудили невестку К-ву вместе с мужем покинуть большой дом и снять отдельную квартиру» (ПМА, 2025, г. Нальчик, информант К-ова З.Х., 1975 г.р.).

В результате советской модернизации и связанной с ней эмансипации женщин у последних появились различные возможности выхода из тяжелой ситуации, однако давление традиционных брачно-семейных установок оказывается столь сильным, что женщина пытается до последнего сохранить брак.

Другой, менее распространенной моделью реализации агрессии является психологическое насилие женщины по отношению к мужчине. Показателен случай, произошедший в 1980-е годы в одном из сел Урванского района КБР. После увечья, полученного мужчиной в результате автомобильной аварии, его жена завела любовника, гораздо моложе себя. До смерти мужа и многие годы после нее, она держала возле себя молодого любовника, не разрешая ему жениться. Она согласилась на его брак с молодой односельчанкой, только когда сама стала старухой (ПМА, 2025, г. Нальчик, информант Д-ов Н.Р., 1975 г.р.). Используя силу характера, женщина многие годы держала возле себя двух мужчин. Находясь в слабой позиции, обусловленной общественными нормами, но используя неформальные факторы влияния, в первую очередь, силу характера и лидерские качества, она долгое время манипулировала людьми, находящимися на более высокой ступени социальной пирамиды.

Примерно в это же время, когда, казалось бы, традиции большесемейного проживания остались в прошлом, но внутрисемейные отношения не стали проще, в одном из сел Кабардино-Балкарской республики произошли следующие события: «Во время очередного конфликта между свекровью и невесткой, перешедшего в драку, старшая женщина вырвала у снохи клочок волос. Он стал главным аргументом, который сноха, (бережно сохранив его в газете) в доказательство жестокости своей свекрови предъявляла соседям, родственникам и даже принесла его в суд» (ПМА, 2025, г. Нальчик, информант К-ова О.А., 1980 г.р.). Суд удовлетворил заявление о разводе, оставив детей с матерью. Очевидно, что с одной стороны сохраняется модель насилия более высокостатусной женщины над имеющей более низкое положение, с другой стороны, у женщины появляется возможность разрешения ранее безвыходной ситуации – расторжение брака. Новая практика «доведения сына до развода с неугодной невесткой» становится весьма распространенной в позднесоветский и постсоветский период.

Во второй половине XX в. на Северном Кавказе, в том числе и Кабардино-Балкарии, происходит существенный социально-культурный сдвиг. Советской властью предпринимаются достаточно успешные попытки социалистической модернизации региона, в республике строится целый ряд крупных промышленных предприятий. Из центральной России в Кабардино-Балкарию приезжают специалисты. Они задают поведенческие и мировоззренческие эталоны. Городское население титульных наций

5 Переписка с начальниками участков о скоропостижно умерших жителях селений Нальчикского округа // УЦГА АС КБР . Ф. И-6. Оп. 1. Д. 235. Л. 46.

6 Там же. Л. 49.

оказывается в большей степени, чем сельское население, подверженным когнитивным матрицам современного общества. Однако разрыв между городскими и сельскими жителями, а также между приезжими и коренным населением не был до конца преодолен. Пространством встречи культур стал городской рынок. Покупатели были в большинстве своем люди, в значительной степени, включенные в модернизационные процессы, продавцы, главным образом, оставались носителями традиционного сознания.

Ярким примером конфликта на фоне вышеописанной социокультурной ситуации служит случай 1966 г. в КБР, связанный с женским коллективным убийством [32]. В июле 1968 г. на центральном рынке Нальчика произошли массовые беспорядки, подавленные военными. Базарной толпой был растерзан участковый милиционер Владимир Токарев. Его смерть наступила от «множественных обширных травматических повреждений головы, шеи, грудной клетки, с повреждением крупных сосудов шеи, множественных переломов ребер слева и справа, с разрывом плевры». Причиной такого нечеловеческого поведения стали слухи о том, что В. Токарев убил некоего Нургали – молодого парня-кабардинца, которого он задержал на базаре утром того дня за мелкое хулиганство в нетрезвом виде и забрал в здесь же находившийся кабинет участкового. Нургали открыл окно кабинета и стал кричать, что его убивают. Слух мгновенно распространился и дополнился информацией о смерти еще двух парней: Алика и Жамалдина. Услышав это, родственница одного из мужчин – 38-летняя Жанзиля Кунижева побежала по базару с криками о милицейском произволе. Поведение Ж. Кунижевой стало катализатором действий разъяренной толпы, призывавшей наказать милиционера за «расправу» над молодыми людьми. В. Токарев, окруженный немногочисленными сотрудниками милиции, получил несколько ударов. Разъяренная толпа, растерзав В. Токарева, не отдавала тело сотрудникам милиции и военным, не реагировала на увещания первого секретаря обкома партии Т. Мальбахова, председателя правительства республики А. Ахохова, секретаря Нальчикского горкома Н. Громыко. Как будет установлено на суде, массовые беспорядки происходили при скоплении около 3000 человек. Зачинщица «базарно-го бунта» Жанзиля Кунижева была приговорена к пятнадцати годам [32, с. 224].

Этот кейс имеет глубинные причины и связан с антисоветскими настроениями 1960-х годов. В контексте настоящей статьи значимым фактором является гендерный: участниками спонтанной расправы-убийства стали исключительно женщины, начиная с зачинщицы и заканчивая рядовыми исполнителями.

Опросы наших информантов позволили дополнить картину происшедшего. В данном случае мы имеем дело с вариантом происшедшего, отраженным в коллективной памяти родственников. По словам К-ой О.А., «Моя свекровь, будучи молодой девушкой, работала на базаре продавщицей овощей, поэтому под рукой имела вилы для перебрасывания картофеля. Когда по базару распространился слух, образовалась женская толпа, она с вилами оказалась на переднем плане и ударила милиционера вилами» (ПМА, 2025, г. Нальчик, информант К-ова О.А., 1980 г.р.). За деяние она отбыла в заключении длительный срок. Интересно, что другие свидетели помнят, что женщины милиционера «забили гириями». Т.е. по прошествии времени детали стерлись, но ощущение ужасающего характера расправы у очевидцев осталось.

Отец нашего информанта, участвуя в расследовании, позже вспоминал, «как шокировала его эта история, нетипичное женское поведение, агрессия...» (ПМА, 2025, г. Нальчик, информант М-ова И.А., 1970 г.р.). Напряжение, по-видимому, долго копившееся у участниц эпизода, нашло выход в экстраординарной ситуации в гипертрофированном виде. Налицо явное несоответствие события, ставшее поводом к эпизоду, и реакции. Рынок стал своеобразным пространством конфликта, территорией соприкосновения весьма различных социокультурных миров: национального и поселенческого, мужского и женского.

После отбывания срока, одна из участниц расправы вернулась на родину и вышла замуж. На первый взгляд, все выглядело благополучно. Но «после рождения двоих детей муж сбежал к другой женщине». Много позже она вышла замуж второй раз за молодого семейного мужчину с двумя детьми, инициировав его развод. В семейной жизни склонность к агрессии, жестокость проявлялась по отношению ко всем членам семьи: первому и второму супругам, детям, невестке. Последняя подвергалась особо изощренной и регулярной травле. Она вошла в дом 17-летней девушкой. С первого дня частой вербальной угрозой свекрови было выражение: «Я тебя убью, закопаю так, что никто не найдет, а всем скажу, что ты просто ушла». Но насилие носило и физический характер – она была по лицу, рукам. Повышенная слышимость в «хрущевке» привела к подключению соседей, одна из которых, «тетя Лида предложила

избавиться от свекрови с помощью ртути из градусника, которую ни одна экспертиза не покажет, если капнуть в ухо, когда она спит». Свекровь стала главной причиной развода с любимым мужем, невзирая на наличие ребенка. Примечательно, что уход из дома был осуществлен в период ее отсутствия: «Я так боялась свекруху, что это было похоже на бегство: я все убрала, приготовила, взяла ребенка и убежала к матери» (ПМА, 2025, г. Нальчик, информант К-ова О.А., 1980 г.р.).

В конце XX в. в связи с новыми политическими реалиями произошёл массовый отток горожан из республики, особенно представителей некоренного населения. Их место заняли бывшие сельские жители со своими социокультурными установками. Произошла ярко выраженная реархаизация социальных практик и сознания. Давно забытые формы отношений актуализировались. Это существенным образом сказалось на внутрисемейных и гендерных отношениях. В условиях реархаизации у женщины оставался выход – уход из семьи, но традиционалистские устои затрудняют этот шаг, она не может открыться матери, не может явно оставить мужа и свекровь, делает это тайком, дождавшись подходящего случая, когда никого нет дома. Очевидно, что возрождение традиционных практик, вызванных реархаизацией общества в XX – начале XXI века, актуализировало традиционный паттерн.

Выводы

1. Проблема «женщина и насилие» в последние годы приобрела широкую популярность среди исследователей. При этом усилия оказались сосредоточены на изучении ситуации, при которой женщина является объектом насилия. Женщина как субъект насилия – исследовательский сюжет не просто малоисследованный, но в определенной степени табуированный.

2. Эта ситуация особенно выражена в традиционных обществах, при изучении которых исследователи оказываются в плену стереотипа о полностью подчиненном и бесправном положении женщины. Данная точка зрения имеет существенные основания, однако нельзя упускать из виду существование системы каналов неформального женского влияния, особенно в приватной сфере социальной жизни.

3. В архаичных обществах прошлого и в современных социумах, сохранивших черты архаики, женщины, используя указанные неформальные способы воздействия, получали широкий спектр возможностей для реализации деструктивных черт психики, особенно агрессии.

4. В большинстве случаев желание доминировать женщины, скованные большим количеством социальных нормативов и высокой степенью регламентации большинства сторон семейной и общественной жизни, превращали в объекты насилия других женщин, находящихся в более социально слабых позициях. Основанием для дискриминации могли быть возраст, более низкое ранговое положение, слабое физическое состояние, слабая воля.

5. В отдельных случаях женщины проявляли желание доминировать или даже проявлять насилие (главным образом психоэмоциональное) даже в отношении мужчин. Чаще всего это были сыновья. В отдельных случаях объектами такого воздействия становились мужья или партнеры. В этих ситуациях женщины также использовали указанные выше механизмы социального влияния.

6. Социальная жизнь традиционного кавказского общества слишком сложна для сведения ее к набору стереотипов. Гендерный анализ требует учитывать набор эпифеноменов, усложняющий социальную картину взаимоотношения полов и в целом гендерных позиций женщин.

7. Исследуемый предмет представляет собой перспективное направление исследований области антропологии, истории повседневности, исторической социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Фихте И.Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2014. – 392с.
2. Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы. – СПб.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 288с.
3. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. – М.: АСТ, 2025. – 672с.
4. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. – 829 с.;
5. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. – 239 с.
6. Милль Дж.С. О подчинении женщины. М.: Рипол классик, 2023. – 304с.
7. Плосс Г.Г. Женщина в естествоведении и народоведении: Антропологическое исследование. СПб.: Издание Южно-Русского книгоиздательства Ф.А. Иогансона, 1900. – 581с.
8. Бурова С.Н. Домашнее насилие в отношении женщин и их жизненные стратегии // Социология. 2010. №4. С. 99–116;
9. Воронцова Н.Н. Система работы с женщинами, подвергшимися насилию в семье // Социальное обслуживание. 2010. №11. С. 55–62;
10. Зубрицкая А.С. Особенности психологической помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2009. №3. С. 77–87;
11. Калабихина И.Е. Домашнее насилие в отношении женщин в современной России: влияние социально-демографических характеристик супругов на распространённость насилия // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2009. Т. 1. №1. С. 62–84;
12. Мамбетов Р. Некоторые аспекты криминологической характеристики домашнего (семейного) насилия против женщин // «Чёрные дыры» в Российском Законодательстве. 2007. №3. С. 297–298;
13. Мильшин А.О. Проблемы женщин, переживающих домашнее насилие // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2010. №3. С. 68–74;
14. Шувалов А.В. Антропологические аспекты домашнего насилия // Нарконет. 2016. №3/4. С. 19–21.
15. Sex and Gender Hierarchies / Ed. by Barbara D. Miller. Cambridge University Press, 1993 – 401p.
16. Feminist Anthropology: A Reader / Ed. by E. Lewin. Malden: Blackwell. 2006 – 460 p.
17. African political systems / Ed. by M. Fortes, E.E. Evans-Pritchard. London: Oxford univ. press, 1940. – 239p.
18. Fraser N. The Fortunes of Feminism. London: Verso Books, 2013. – 224p.
19. Parsons T., Bales R.F. Family, Socialization and Interaction Process. Glencoe, IL: Free Press. 1955. – 422 p.
20. Петров К.А. Проблема преодоления трайбализма в политических документах постколониальной Африки // Общественные практики: уроки истории и современные тренды: сборник тезисов докладов Всероссийской научной конференции студентов-стипендиатов Оксфордского Российского фонда (Екатеринбург, 20–22 апреля 2016 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 338–340.
21. Гимбатова М.Б. Отражение гендерных отношений в устном народном творчестве нижнетерских казаков // Вестник института ИАЭ. 2017. № 1. С. 108–119.
22. Мутиева О.С. Отражение социально-правового статуса женщины в духовной культуре и фольклоре народов Северного Кавказа // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №2. С. 246–248.
23. Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978 – 159с.
1. Fichte JG. *The foundation of natural right according to the principles of the doctrine of science*. Moscow: Kanon+ROOI “Reabilitatsiya”, 2014. (In Russ)
2. Schopenhauer A. *Aphorisms and maxims*. Saint Petersburg: LSU Publishing House, 1986. (In Russ)
3. Schopenhauer A. *The world as will and representation*. Moscow: AST, 2025. (In Russ)
4. Nietzsche F. *Thus spoke Zarathustra*. Works: in 2 vols. Moscow: Mysl, 1996, vol. 2. (In Russ)
5. Nietzsche F. *Beyond good and evil. Prelude to a philosophy of the future*. Works: in 2 vols. Moscow: Mysl, 1996, vol. 2. (In Russ)
6. Mill JS. *The subjection of women*. Moscow: Ripol Classic, 2023. (In Russ)
7. Ploss HH. *Woman in natural science and ethnology: An anthropological study*. Saint Petersburg: Publication of the South Russian Book Publishing House of F.A. Johanson, 1900. (In Russ)
8. Burova SN. Domestic violence against women and their life strategies. *Sociology*. 2010; 4: 99-116. (In Russ)
9. Vorontsova NN. System of work with women subjected to family violence. *Social Services*. 2010; (11): 55-62. (In Russ)
10. Zubritskaya AS. Features of psychological assistance to women victims of domestic violence. *Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*. 2009; (3): 77-87. (In Russ)
11. Kalabikhina IE. Domestic violence against women in modern Russia: the influence of socio-demographic characteristics of spouses on the prevalence of violence. *Scientific Research of the Faculty of Economics. Electronic Journal*. 2009; 1(1): 62-84. (In Russ)
12. Mambetov R. Some aspects of criminological characteristics of domestic (family) violence against women. *“Black Holes” in Russian Legislation*. 2007; 3: 297-298. (In Russ)
13. Milshin A.O. Problems of women experiencing domestic violence. *Bulletin of Association of Higher Educational Institutions of Tourism and Service*. 2010; 3: 68-74. (In Russ)
14. Shuvalov AV. Anthropological aspects of domestic violence. *Narkonet*. 2016; 3/4: 19-21. (In Russ)
15. *Sex and Gender Hierarchies*, ed. by Barbara D. Miller. Cambridge University Press, 1993.
16. *Feminist Anthropology: A Reader*, ed. by E. Lewin. Malden: Blackwell, 2006.
17. *African political systems*, ed. by M. Fortes, E.E. Evans-Pritchard. London: Oxford univ. press, 1940.
18. Fraser N. *The Fortunes of Feminism*. London: Verso Books, 2013.
19. Parsons T., Bales R.F. *Family, Socialization and Interaction Process*. Glencoe, IL: Free Press, 1955.
20. Petrov KA. The problem of overcoming tribalism in political documents of post-colonial Africa. *Public practices: history lessons and modern trends: collection of abstracts of the All-Russian scientific conference of student scholars of the Oxford Russia Fund (Yekaterinburg, April 20-22, 2016)*. Yekaterinburg: UrFU, 2016: 338-340.
21. Gimbatova MB. Reflection of gender relations in oral folk art of Lower Terek Cossacks. *Bulletin of the Institute of HAE*. 2017; (1): 108-119. (In Russ)
22. Mutieva OS. Reflection of the socio-legal status of a woman in spiritual culture and folklore of the peoples of the North Caucasus. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2014; 2: 246-248. (In Russ)
23. Bgzhnokov BKh. *Adyghe etiquette*. Nalchik: Elbrus, 1978. (In Russ)
24. Mafedzev SKh. *Intergenerational transmission of traditional culture of the Adyghe in the XIX – early XX century*. Nalchik: Elbrus, 1991. (In Russ)

24. Мафедзев С.Х. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов в XIX – начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1991. – 253с.
25. Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 364 с.
26. Кучмезова М.Ч. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 214 с.
27. Текуева М.А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиция и современность. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – 247с.
28. Бутаева М.А. Гендерные стереотипы и насилие против женщин // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 9. С. 179–186;
29. Сиражудинова С.В. «Я не могу сказать!»: к проблеме домашнего и сексуального насилия в республиках Северного Кавказа// Женщины в российском обществе. 2017. № 4 (85). С. 26–35.
30. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы: Традиционная система жизнеобеспечения. – М.: Наука, 1989. – 448с.
31. Баразбиев М.И. Брачные контакты представителей высших сословий тюркских народов Северного Кавказа с кабардинцами в XIX – начале XX вв.// Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2012. Т. I. №1. С. 53–55.
32. Коновалов А.А., Битокова Т.В., Текуева М.А. Слухи как источник исследования женской повседневности в городском пространстве Кабардино-Балкарии // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. №1. С.216–233.
25. Mambetov GK. *Traditional culture of Kabardians and Balkars*. Nalchik: El-Fa, 2002. (In Russ)
26. Kuchmezova MCh. *Socionormative culture of Balkars: traditions and modernity*. Nalchik: El-Fa, 2003. (In Russ)
27. Tekueva MA. *Man and woman in Adyghe culture: tradition and modernity*. Nalchik: El-Fa, 2006. (In Russ)
28. Butaeva MA. Gender stereotypes and violence against women. *Scientific Problems of Humanities Research*. 2010; 9: 179–186. (In Russ)
29. Sirazhudinova SV. “I can't tell!": to the problem of domestic and sexual violence in the republics of the North Caucasus. *Woman in Russian Society*. 2017; 4: 26-35. (In Russ)
30. Tekeev KM. *Karachays and Balkars: Traditional life-support system*. Moscow: Nauka, 1989. (In Russ)
31. Barazbiev MI. Marital contacts of representatives of the upper classes of Turkic peoples of the North Caucasus with Kabardians in the XIX – early XX centuries. *News of Kabardino-Balkarian State University*. 2012; 1(1): 53-55. (In Russ)
32. Konovalov AA., Bitokova TV., Tekueva MA. Rumors as a source for studying female daily life in the urban space of Kabardino-Balkaria. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2022; 18(1): 216-233. (In Russ)

Поступила в редакцию 27.02.2026 г.
Принята в печать 24.04.2026 г.
Опубликована 30.09.2026 г.

Recieved 27.02.2026
Accepted 24.04.2026
Published 30.09.2026